

84(2Р.о)б

Ч - 57

Алексей
Чечулин

И СЕРДЦЕМ
ТРЕВОЖНЫМ,
И ВЗГЛЯДОМ...

84(2Росб6)

4-57

Алексей
Чечулин

- 381015 -

И СЕРАЦЕМ
ТРЕВОЖНЫМ,
И ВЗГЛЯДОМ...

218

ЦГБС

г. Астана

Знал я Алексея Ивановича Чечулина, просто Лешу, как хорошего журналиста-профессионала. Случалось, от "Уральского рабочего" выезжали мы вместе в командировки по нашей области. И газете, делу своему он оставался преданным до последнего часа.

Но был Леша еще и талантливым поэтом. Ложились на бумагу лирические строчки, выходили стихотворные сборники, имевшие своих почитателей.

А вот перед вами стихи из его архива, которых так никто и не узнал. В них - светлая, добрая душа этого прекрасного человека. В них - биение пульса художника, влюбленного в людей, в нашу землю, в жизнь...

Олег Капорейко.

* * *

Цветов некрасивых нет.
Не выдумать понарошке.
Но самый
Пронзительный
Цвет -
Цвет детства. -
Цены ему нет. -
Пылает на поле картошки.

Татарник

Бульдозер поляну за час сокрушил.
Пласти чернозема вздыбил.
Там раньше кустарник задумчивый жил.
Все встретило верную гибель.

И розовоглавый татарник поник.
Отрада для глаза людского.
Так обрывается жизни дневник -
На выдохе, на полуслове.

Здесь будет картошка захватывать даль,
А может быть, заросли лука.
Как славно, но все же татарника жаль.
Хоть он и сорняк - по науке.

Татарника жаль, душой не кривлю.
Нет хуже не чувствовать рядом
Того, с чем сроднился, того, что люблю
И сердцем тревожным, и взглядом...

* * *

Ты вздыхаешь деликатно:
Нету солнца, хмурый май...
Что погода? Привыкать ли
К холодам; не унывай!

От ненастя не убудет
Света будущего дня.
Будет солнышко? Не будет?
Я-то есть, бери меня.

ЖИЗНЬ МОЯ...

На подножке товарняка.
Громыхающего рудою.
Я летел за Урал-грядою
По-над самою Чусовою
Мимо темного сосняка.

И качались леса, леса...
И касалась лица тревога
От звезды, - то ли господом богом,
То ли стрелочником убогим, -
Вознесенной под небеса.

Это помнится. И никак
Не забыть мне того вагона.
До сих пор холодит ладони,
Если встречу на перегоне
Запыхавшийся товарняк.

* * *

Утонул по колени наш дом.
Никогда не просохнет распутица.
Говори, говори мне о том,
Что черемуха скоро распустится.

Ранний свет, как надежды посол,
Прорываясь сквозь темень и грязь,
Неожиданно в окна вошел
И остался, в душе растворясь.

* * *

Как сладостно
У отчего порога
Прижать к пробою
Жаркое лицо.

И непривычно вдруг
Заноют ноги.
Как долго шел!
Как высоко крыльцо!

* * *

О, какие славные виды!
О, какая легкость души!
Я парил, не зная обиды,
Вольно падая в камыши.

Не хватало любви и хлеба,
На дрова пошли тополя.
Но моим - было это небо.
Но моей - была эта земля.

Я давно во сне не летаю.
Год от года реальней сны.
Нас все меньше в родимой стае
И все больше чувства вины.

* * *

Привет вам, купавы, лесные цветы,
Привет вам, зеленые травы,
И вам, снизошедшие с высоты
Овечек небесных отары.

Огромное лето настало, и вот -
Конечно, по этой причине -
Покой какой уже день не дает
Взаправдошняя кручиня.

О чем я печалюсь - ты спросишь, июнь.
О чем я печалюсь? Отвечу.
Ты будешь, как прежде, и весел и юн,
А мне уготован лишь вечер.

И страшно подумать, что все позади,
Что век отошедший никчемен.
Какие бы ни расцветали сады,
Мой вечер и смутен и темен.

Прости меня, лето. О чем я, о чем?
Природа ни в чем неповинна.
Впервые задумался только о том,
Что жизни прошла половина.

* * *

Не отними эту радость покоя.
Не раствори в одиночестве боль.
Женщина спит под моей рукою.
Столь дорогая, любимая столь.

Столь беззащитная, столь неземная.
Что с перебоями ею дышу.
Что это? Что это? Я и не знаю.
Я и сравнения не отыщу.

* * *

Квас принесен тобой,
Он холоднее льда.
Стружки смахну рукой,
Пот уберу со лба.

Будто родился вновь.
Новая жизнь светла.
Это меня любовь
Юностью обожгла.

Радостью - вот она! -
Нынче полна душа.
Буду строгать без сна
Доски для стеллажа.

Стружки - не сосчитать.
Квас - подойдет ко дну.
Что ж ты, природа-мать,
Жизнь мне дала одну?

* * *

И день, и час, и миг...
Нет бега скоротечней.
А ходики спешат
Привычно и легко,
Напоминая вновь,
Что нету жизни вечной.
Что день и час, и миг,
Увы, уж далеко.

* * *

Отцветают поздние ромашки.
Я от них глаза не отведу.
Сшей мне, мама, белую рубашку.
Белую, как лебедь на пруду.

Помогая солнышку за рамой.
Свет зажег, хоть вечер далеко.
Но в иглу
Не вденет нитку
Мама -

С каждым днем днем
Сужается
Ушко.

* * *

Ну кому я жаловаться шел!
Ну зачем на этот берег вышел?
Друг сердечный ухом не повел.
Луг заречный плача не услышал.

И, преодолев давнишний страх,
Проклял я тогда реку и сушу.
Хоть бы завалищенский монах
Мне утешил раненую душу.

- 381015 -

ЦГБС

Г. Асбест

* * *

Нет, душе не темно и не пусто
Посреди остывающих дней.
Свежий ветер хрустит как капуста.
Только убранная с полей.

И пускай разверзаются хляби,
Поворот совершая к зиме,
Счастлив тем, что я вижу хотя бы
Мир без ретуши - в свете и тьме.

* * *

Помню скользкий ледок
В затемненном дворе.
Был, как током, сосок
Под рукой на заре.

Ни дышать, ни смеяться...
Поцелуев халва.
Мне от силы семнадцать,
А тебе двадцать два.

* * *

Нас жизнь

Не наделяет долгим сроком.

Лишь полдень и —

Последняя заря.

И все же

Не становится уроком

Судьба чужая.

Прожитая зря.

* * *

Рокочет в таежине драга.
Все выше отвалов гряда.
От глины желтая, как брага,
Уносит обманку вода.

Ты брось в эту воду железку -
Вернешь золотою со дна
И ворон,
Охочий до блеска.
От зависти

спятит
с ума.

* * *

Эту землю, сырь ее и хмарь,
Киноварь и зелень разливную,
И траву целебную грибную.
Всякую щебечущую тварь
К каждому прохожему ревную.

И подумать даже не могу,
Что однажды, правый и неправый,
Как беглец на зыбкой переправе,
Вот на этом нижком берегу
Обращусь и в сырь, и в хмарь, и в травы.

* * *

Ты прав, мой товарищ, ты прав,
Прошла череда дней веселых.
Срываются звезды стремглав
На темные рощи и долы.

Реки замедляется бег.
Жнивье подступает к дороге.
Я думал, что лето - навек,
Но осени близятся сроки.

А там уже стынь рождества.
Подсыпаны тропки золою...

Последняя синева.
Простое
Прощальное
Слово.

* * *

Укрылось солнце. Я брошу еланью.
День миновал, но, подводя итог,
Я ощутил, что радости желанной
Он не принес и принести не мог.

Лишь исполнял работу я не боле:
Заботился о суших пустяках.
День миновал без страсти и без боли. -
Вот и пропал зазря - в черновиках.

* * *

Болит душа?
Что в том такого!
Не сокрушайся, не тужи.
Поверь, когда она здорова.
Еще не чувствуешь души.

Еще никак не угадаешь,
Какая боль острей ножа.
Но тем она и хороша.
Твоя душа...
А там как знаешь.

* * *

Все вскоре пройдет
И запомнится только апрель,
Когда зазвенела капель
Отпотевшую крышей.

А что до потерь -
У кого не бывает потерь.
И все-таки лучше их меньше...
Ты слышишь?

* * *

Невозмутимы дни печальной осени.
Под листопадом горбится забор.
И дремлют лодки
на притихшем озере.
Начерпав стылой тины через борт.

Прощаюсь с летом.
Тополя легки.
Полет вершат свой листья по спирали
И покрывают мокрые мостки,
Где женщины весь день белье стирали.

* * *

Я вез на день рождения розы,
Боясь в автобусе помять.
Как вдруг какая-то стервоза
Привычно отрыгнула мат.

И смерть коснулась целлофана,
Опали, сморщась, лепестки.
И ты меня не целовала,
Стал день рождения днем тоски.

Был Дарвин гением и все же
Он до чего-то не допер.
Ведь не сработал здесь, похоже,
Его естественный отбор.

* * *

Все. Конец навигации летней.
Зародилась шуга на реке.
Как воробышок лист последний
Притулился на мокром сучке.

В тишине было столько соблазна
Оробевшей от стужи душе.
Но на осень она не согласна.
А над летом не властна уже.

* * *

И съзнова не спится.
Над холодком пруда
Летит ночная птица
Неведомо куда.
Луны неяркий светоч.
Черемухи кусты.
Неловко с веток свесясь,
Качаются цветы.
Гармошки хрипловато
Тоскуют на юру.
Неужто я когда-то
Возьму да и умру?

* * *

Приходят ночи торжества.
Преодолев косноязычье,
Оденьешь в новое обличье
Полузатертые слова.

Прощайте, милые! Мне грустно.
Но выросли — не прекословь —
Уж не предчувствие, а чувство,
Не состраданье, а любовь.

* * *

Желтый бубен луны
Опускается медленно в сад.
Разогнав мои сны,
В бубен яблони.
Как цыганята стучат.
Мне почудилось: будто
В стекло барабанила ты.
Вышел из дому -
Пусто.
И ветки у яблонь пусты.

* * *

У октября не из веселых нрав.
А с ним и мысли вызрели иные.
Гостеприимства принципы поправ,
Гоняет ветер листья жестяные.

Какая ясность в рощицах сквозных!
В них даже эхо менее сурово.
И замирает на губах моих
Еще никем не сказанное слово.

* * *

Было сумрачно и тяжело.
Шла нахрапистая весна.
В довершение.
Словно назло.
Не хватало покоя
И сна.

Вот и кончилась жизнь моя. все.
Что еще отдавать и просить?
Но однажды судьбы колесо
Повернулось. скрипя.
На оси.

На оси повернулось. скрипя. -
Потому что я вспомнил тебя.

* * *

Вот и дожил до мая.
Здравствуй, мир колдовства!
Вижу, камни ломая,
Прет наружу трава.

Даже в недрах барабанных,
Светским дамам назло,
Столько женщин невзрачных
По весне расцвело!

* * *

Замшелый пень и одолень-трава.
Ручей бежит и ухают коряги.
Я редкий гость в лесу, и голова
Становится чиста, как лист бумаги.
Что ждет в тиши несуетно пера.
Суля успех и угрожая взрывом...
Как просто быть негаданно счастливым
Под сенью леса с раннего утра.

* * *

Всего вкусней брусника.
Холодная, как лед.
Твоим глазам грустинка
Покоя не дает.

Ты свечи не тушила,
С рассудком не в ладу.
С чего это решила,
Что больше не приду?

Не бабник, не пропойца,
Скажу я: не глупи,
Не разлюблю, не бойся,
Лишь ты не разлюби.

* * *

На белом - черные деревья.
На черном поле - белый снег.
И в отдалении деревня
Притихла, точно человек.
Что в ожидании тревожном
Притока неизбывных сил
Задумался о невозможном,
Когда возможное совершил.

* * *

Выпадет нечаянная радость -
Даже ночи темные светлы.
Прошлые провинности не в тягость,
Будущие дни не тяжелы.

Боже мой, да все на свете просто! -
Осенит внезапно и легко,
Будто бы я вдруг прибавил в росте:
Видится далёко-далеко.

* * *

Всю скверну жизни испытав,
Пред смертью трепеща.
Скажу: не надо слов и слав,
Когда болит душа.

Она одна, одна она,
Ее неведом путь.
К ней не прицепишь ордена,
Чтобы уста заткнуть.

* * *

С неясной болью внутренней
День начат на земле.
И мать у печки утренней
Хлопочет в полумгле.

Едва огонь затеплится -
И хмары нет как нет.
С тех пор в моем отечестве
Неугасимый свет.

* * *

Лишь ты одна, любовь,
Превыше бренных дней.
Превыше бранных слов,
Запутанных идей.

Превыше рождества
И азбучных основ.
Лишь ты одна права.
Лишь ты права, любовь...

* * *

Мне судьбы особенной не надо.
Я и так живу весь на виду
У озер лесных.
У снегопада.
У шершавых тополей в саду.

И хотеть иного нет резона.

Знаю:

если попаду
в беду.

Снег согреет.

Напоят озера,

А упасть деревья не дадут.

* * *

Когда весна идет в разлив,
Я по ночам живу тревожно.
Ко многим был несправедлив,
Теперь покаяться бы можно.

О если б это помогло
Вернуть одних
Из далей тленных.
Других.
Своих друзей бесценных.
Обнять
Наветам всем
Назло...

О если б это помогло!

* * *

Поезд вклинился в синеву.
Было зябко от раннего света,
От ненайденного ответа
На вопрос: "А зачем живу?"

Подступило - не оторвешь -
Все, что мучило и болело.
Вот и сердце отяжелело.
В самом деле, зачем живешь?

В самом деле... Мираж колодцев.
Степь, пустыня, опять земля.
Неужели живу я для
Созерцанья колес и колосьев?

Пролетал за увалом увал.
Дождь собой закрыл полмира.
Надвигались деревья сыро.
Словом, утро, сентябрь, Урал.

* * *

Полем катится сонно листва.
Все полно ожиданья и тлена.
Эти сумрачные деревы.
Эти тощие копны сена.

Обреченно вздохну и замру.
Обниму горемычную иву.
Только ставни скрипят на ветру.
Только сердце все ближе к разрыву.

* * *

Крапива при дороге.
Молочный дым над ней.
Все думаю, что много
Осталось в жизни дней.

И верую счастливо.
Счастливый человек.
Умрет к зиме крапива,
А мой продлится век.

* * *

Надвинулись годы, и больно.
Об этом не знал наперед, -
Побыл молодым и довольно.
Всему наступает черед.

Другие приблизились сроки.
Другие слова родились.
И более жестко и строго
К ответу нас требует жизнь.

Ну что же, и с этою темой
В раздумьях ночных подружусь.
Своей корневою системой
Все крепче за землю держусь.

* * *

Часовым механизмом тикая,
По оврагам темнеет вода.
Зацветает черемуха дикая,
Холода, холода, холода...

* * *

Темной ночью мгновенная вспышка
Озарит потревоженный мозг.
В этом городе жил мальчишка.
Все на свете умел и мог.

Он пытался взлететь, но силы
Отказали в разгаре дня.
Где же черти его носили?!
Где же черти носили меня?!

* * *

Я двадцать лет ухлопал на стихи.
Которые во славу всех растений.
Во имя жизни молодой весенней
Я двадцать лет ухлопал на стихи.

И вот - итог. Смотрю, не понимая,
Как будто в мире не было меня. —
Следы разрухи, мора и огня. —
Прости мне это, ягода лесная.

Прости, рябина, под топор попавшая.
Травинка, не увидевшая свет.
Прости, природа, если не пропавшая.
То кое-где сведенная на нет.

Да, краток век, что мне судьба дала.
Но все ж дала и май и день осенний.
Я двадцать лет во имя всех растений
Ухлопал. Вот такие, брат, дела.

* * *

Одного не хочу - в ноябре умирать.
Умирать в декабре, в январе, в феврале.
Тяжело в эту пору могилу копать
В монолитной чугунной земле.

А весною не гоже - все двинется в рост.
Летом - вовсе грешно.
Жизнь, давай свое стремя!
В сентябре? В октябре?
Не настолько я прост.
Это самое лучшее время...

* * *

Ни дней, ни часов, ни минут...
Достаточно было взглянуть
На женщину эту, и вот
Какой уж неведомый год
Приходят бесстыдные сны:
Я с нею - единое "мы".
Мы в жаркое тело сплелись...
Какая прекрасная жизни!
А утро наступит - умру.
Как яблони цвет на ветру.

* * *

Апрель выставляет рамы.
Храни их, глухой сарай.
И вдруг, как очнешься, — рано
Радоваться через край.

Весна за весною безбожно
Приноровились спешить...
Боже, как жить тревожно!
Боже, как хочется жить!

С землей наедине

В гнетущий час не служит утешеньем
Знакомый лес, где тишина светла.
И я иду с тяжелым настроением
В карьер, где юность краткая прошла.

Прошла она, но вновь доступна глазу.
Я вырос здесь, привычный к глубине.
Кто не бывал в карьере, тот ни разу
Не виделся с землей наедине.

Земля не только чернозем и глина.
То - верхний пласт, доступный задарма.
А вот она, гранитная, без грима.
Как в первый день творения - ясна.

Побудь пред ней -
все беды станут малыми.
С землей в своей родимой стороне
Я говорю, словно ребенок с мамою.
И жду, когда она ответит мне.

* * *

По-гречески Галина - тишина.

А вот тебя

Такой и не припомнишь.

Ты дерзость вся,

Ты вся напряжена,

Как белый парус,

Уходящий

в полночь.

Я знаю,

Почему горька калина

У твоего раскрытоого окна.

Но что такое

Тишина,

Галина,

Когда Галина -

это тишина!

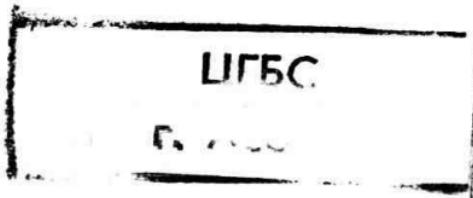
* * *

Не сыскать заповедное слово,
Не сорвать заколдованный цвет.
Все половы, половы, половы.
А зерна драгоценного нет.

Утешаться обманом довольно,
Не красотка под слоем румян.
Жизнь моя, признаваться мне больно,
Но у нас неудачный роман.

Остается надеяться только,
Что у самой печальной черты
Сил достанет, чтоб вымолвить горько
Распоследнее слово: "Прости..."

- 381015 -

Формат 60x90¹/₃₂. Бумага белая писчая.
Гарнитура журнальная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2. Тираж 2000 экз. Заказ № 383.
Лицензия № 040693 от 8.12.94.
624060, Асбест, Свердловской обл.,
ул. Садовая, д. 5.
Государственное предприятие
Асбестовская типография.

202

